

Христианская педагогика в современном мире

Материалы II Международной
научно-практической
конференции

Пенза
2018

ПСИХОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 159.9+21/29

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Е.Л. Малиновский

кандидат психологических наук

Институт психологии Белорусского государственного
педагогического университета имени Максима Танка
Минск, Белоруссия

Традиционная модель отцовства подвержена коррекции со стороны статусной социально-экономической и эмоционально-эстетической позиции материнства. Это привело к изменению жизненных стратегий и положения в семье отца. Хотя многие дети успешно социализируются и без отцовского участия, негативное влияние безотцовщины чаще всего проявляется совместно с такими факторами, как необразованность и атеизм в изменяющемся мире. Научное знание, вычленяющее личностные проблемы из социальных, способствуют выявлению депривации патерналистской модели образования детей и юношества с описанием его психологических и богословских характеристик и предложением разработки схемы предполагаемого присутствия Имени Отца в жизни человека.

Ключевые слова. Патернализм, депривация, личность, асертивный выбор, присутствие, теопсихология, дискурс Имя Отца.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF IDENTIFYING PATERNALISTIC DEPRIVATION IN PUPILS AND STUDENTS

Evgeny Malinovsky

Institute of psychology of the Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus

The traditional model of paternity is subject to correction by the social economic and emotional aesthetic status position of motherhood. This has led to a change in the life strategies and position of the father in the family. Although many children are successfully socialized without the father's participation, the negative impact of fatherlessness is most often seen in conjunction with such factors as lack of education and atheism in the changing world. Scientific knowledge, isolating personal problems from social, contributes to the identification of deprivation of the paternalistic model of children's and youth's education with a description of its psychological and theological characteristics and a proposal of a scheme of the alleged presence of the Father's name in the human's life.

Keywords: *paternalism, deprivation, personality, assertive choice, presence, theopsychology, discourse, Father's name.*

Возникающие в последнее время публицистические дискуссии о крахе института семьи, утрате отцовского авторитета, материнском доминировании в воспитании детей, гендерной стереотипизации и идентификации свидетельствуют об изменениях, происходящих в культуре, науке и образовании общества. Традиционная модель отцовства как кормильца и высшей ассертивной инстанции подвержена коррекции со стороны статусной социально-экономической и эмоционально-эстетической позиции материнства в связи с резко возросшим профессионализмом женщин почти во всех областях общественного сознания. Это привело к изменению жизненных стратегий и положения в семье отца [7]. Хотя многие дети успешно социализируются и без отцовского участия, негативное влияние безотцовщины проявляется совместно с такими факторами, как необразованность и депривация личностной идентичности в изменяющемся под влиянием атеизма мире.

Показалось существенным исследование патерналистского критерия образовательных затрат, при котором ограниченность рациональных ресурсов самоконтроля компенсируется стохастическим (греч. *Stóchos* – предполагаемая цель) выбором при *nudge*, что переводится с англ., нем., идиш как «слегка подталкивать локтём». Мы предположили, что теопсихологическое решение цели благополучия с Другим, Несомневающимся и одновременно допускающим, по шкале Р. Декарта мыслимое (лат. *cogito*) сомнение (*dubito*) в Я (*sum*), исходит из стохастической методологии патернализма с его дискриминацией субъекта по религиозному признаку. Все дело в неколебимом мес-

сианском тезисе «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» [8, Мф 15:24], при котором стратегия *nudge* [9] невидимо касается личного выбора номинации «Дома молитвы для всех народов» [8, Ис 56:7]. Такая патерналистская дискриминанта образует сакральный анклав «Вселения Иафета в шатры Симовы, Ханаан же будет рабом ему» [8, Быт 9:27]. Личностный выбор от начала Нашей эры создаёт прецедент децентрализации в основании церковных школ и направлений, не регулируемых на федеральном уровне, но целиком отданных под ответственность лидера как отца-основателя, обладающего правом зарегистрировать училище и выдавать дипломы не по общим стандартам, а частным уставам и правилам. Отсюда образовательный патернализм (лат. *patriate*) квалифицируется нами как система отношений, основанная на стратегии *nudge* в просвещении личности живым и действенным Именем Отца [13], аналогично воспитанию любящего отца своих детей в патриархальной семье, а также помощи старшего (греч. *Πρεσβύτερος*) подопечному в целях возвращения (лат. *repatriate*) Божественного образа и подобия, повреждённого атеистическим научением, но исполненного стремлением «Царства Божьего и на земле, как на небе» [8, Мф 6].

Теопсихологическое обсуждение патерналистского принципа и культурно-исторической инициативы образования исходит из ситуации правовой неопределённости юношей, образовательная репатриация которых обращена от социального контроля и матерналистской гиперпротекции к генетическому принципу благословения и «подталкивания» слабых. Начиная с XVIII века образование как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения» не вызывает сакральных эмоций субъекта, «погребённого» под «совокупностью приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций», по устранению того, с чего начиналась психология – сомнения немощного Р. Декарта в собственном биосоциальном существовании и несомненности бытия Божия. Дальнейшая депатернализация образования привела к безличной деструкции психики ввиду совокупности психических состояний, не входящих в сферу сознания субъекта, существующего в метанарративах общественного контроля. Со «Смертью великого пана» (Ф. Ницше) и «исчезновением человека как начертания лица на прибрежном песке» (М. Фуко) субъект образование лишился его сакрально-индивидуальной поддержки, заменив внутренний локус перспективы «Се, творю всё

новое» [8, Откр. 21:5] мотивом достижения сверхпоставок без Имени Поставщика.

Отсюда *актуальность избранной нами темы* открывает проблему соотношения научного знания и чувства Отца в детских религиозных представлениях, являющихся образом предмета, не воспринимаемого непосредственно, но опосредованного интерсубъектным взаимодействием в присутствии (греч. Παρουσία) Другого. Другой — Бог или правая личность, природный индивид, осознающий свою индивидуальную историю в провозглашенном им ассертивным выборе жизненного пути. Психологическую основу детских религиозных представлений составляют «следы» памяти, остающиеся после реальных возбуждений субъекта при восприятии значимого Другого. Эти «следы» сохраняются благодаря известной «пластичности» ЦНС у детей в их индивидуальном продуцировании представлений, основанных на особом эмоциональном узнавании предмета или явления.

Цель исследования: изучить содержание религиозных представлений у детей и молодёжи, служащих патерналистскими предпосылками их личности. *Объект исследования:* религиозные представления в их логико-историческом и Библейском контексте. Выборку исследования составили 120 школьников младших классов Минских школ № 125 и №177, а также студенты-волонтеры Института психологии БГПУ имени Максима Танка. *Предмет исследования:* соотношение религиозных представлений и чувства Отца у детей младшего школьного возраста и студентов Института психологии в их индивидуальной истории. *Гипотеза исследования* касалась религиозных представлений у детей и студентов, отражающих индивидуальный характер связи социально-культурных факторов и семейно-генетических предпосылок в структуре личности, обретающей по мере пидже-стратегии системно-логическую автономию мотивов поведения. При этом на ранних этапах своего развития индивид активно приспосабливается к символическим объектам, создающим прецедент патерналистской депривации; на более поздних этапах личность предпринимает проактивное поведение по выходу из тревожного существования посредством онтогенетического выбора Имени Отца как жизненного пути.

Очевидным для личности является тот факт, что моделирование своего будущего, детерминированного окружением, оказывается наивным по сравнению с стохастическим выбором. Отсюда, *методологической основой исследования* послужил принцип функциональной автономии религиозных представлений, разработанный Г. Олпортом

для определения приобретённой личностью системы мотивации. Учёный доказал, что основу функциональной автономии мотивов (ФАМ) составляет самодостаточная для настоящего времени *проприативная* система личности, обеспечивающая ее индивидуальный стиль [6]. Однако для будущего выбора личностью Имени Отца ФАМ оказалось недостаточно. Необходим структурный психоанализ Жака Лакана, чтобы увидеть уникальный механизм «перехода к акту» в логике субъекта, ангажированного объектом и «перечёркнутого» им для любви, что влечёт за собой пагубные последствия как для него самого, так и для другого, оказавшегося опорой его либидо [3]. А. К. Черноглазов в переводе лакановского семинара нашёл оригинальный русский вариант французского слова barré, или «перечёркнутый», — это устаревшее слово «похеренный», корнем которого служит буква славянского алфавита «херь». Название буквы происходит, с точки зрения автора, от греческого χερουβίν и иврита kerüb. В то же время, «похерить» буквально означает зачеркнуть крестом. Так, «перечёркнутый субъект» на русском языке создает прецедент embargo как «похерения» [12]. Действительно, в состоянии «похерения» как запрета на первый план помещается «субъект в пределах тревоги» как похеренный для Имени Отца. Что касается черты сопротивления (resistentia), то «остановка мыслями, зависание действиями в возвращении повторения» используется, по З. Фрейду, в качестве формы остановки удовольствия движения и тревоги торможения личности через «эротизацию функции становления» [10]. Обозначая тревогу точкой соединения *перечёркнутого X-субъекта* с кастрирующим объектом, Ж.Лакан решил: «Действовать — значит вырвать у тревоги её уверенность» [3]. Это становится возможным только при переносе тревоги из реального чувства в актуальную ономастику Отца.

Методы исследования: опрос по Шкале религиозной ориентации Г.Оллпорта; фрейминг-абдукция нарративной триангуляции текста — ФАНТТ, разработанный Е. Л. Малиновским; статистические методы обработки и интерпретации данных с корреляционным анализом χ^2 Пирсона.

Основаниям для исследования особенностей построения патерналистской перспективы образования и факторов его осмысления служат выявляемые современной психологией факты бездумного нарушения половой идентификации, которые констатируют и одновременно дают возможность структурирования личности на более глубоких психических уровнях и обусловливания поведения в зрелом воз-

расте [7]. Поэтому репатриация образования – процесс обратный экспатриации, квалифицируемый нами как инфантильная элиминация Имени Отца из Им же сотворённого отечества. Библейский прецедент экспата был сопряжён с лишением отцовского намерения Исаака первородства для любимого сына. Предназначенное для Исава благословение коммутативным способом досталось близнецу Иакову, любимому сыну Ревекки, которая *подтолкнула* «сына шатров» сыграть роль «сына полей» в пределах эмансипированного желания преимуществ ума физически слабого над гордостью «большого, работающего меньшему» [8, Быт 25:23]. В ответ на опасение стать проклятым в случае обличения обмана мать сказала: «На мне пусть будет проклятие твое, сын мой, только послушайся слов моих» [8, Быт 27:13]. С истории близнецов началось доминирование «шатровой» символики *alma mater* над реальным положением вещей в ситуации «Чечевичной похлёбки» [8, Быт 25:31]. Красная чечевичная похлёбка дала Исаву новое имя Едом, то есть *красный*, согласный на сделку, после которой он «сел и пил, и встал, и пошел» [8, Быт 25:32]. Современная ситуация образования напоминает эту сделку, но уже на апокалипсическом фоне убаюкивания «младенца мужского пола» солнечной *alma mater*, которая ведёт себя слишком доверчиво по отношению к «Большому огненно-красному дракону», приготовившемуся поглотить её дитя [8, Откр 12:4]. Для становления «младенца мужского пола» мессией, «которому предстоит пасти все народы жезлом железным, ... дитя было восхищено Богом и его престолу» [8, Откр 12:5]. Таким образом «Царство мира соделалось царством Господа нашего и Христа Его» [8, Откр 11:15].

В целях психологического осмысления восстания Адама из «тела душевного в тело духовное» [9, 1 Кор 15:44] мы классифицировали представления студентов по атеистическим и стохастическим номинациям. *Атеистические* представления отвержения веры в Бога как действующей личности в более узком смысле имитируют убеждённую самодостаточности человека, его телесной природы с антропоморфным концептом не сверхъестественного происхождения религий. Причём, агностические представления, утверждающие, что всякое богословие делает ничем не обоснованные и противоречивые допущения относительно доктрины и атрибутики Бога, обнаруживают едва значительное различие между примитивно унифицированными атеистическими представлениями. Атеист: «Я не верю, что бог существует»; агностик: «Я не знаю, существует бог или нет»; игностик или

скептик: «Я не понимаю, что вы имеете в виду, когда говорите «бог существует/не существует». *Стохастические* представления – весьма разнообразны, они предваряют поведение, не являющееся детерминированным природой и обществом, и последующее состояние такого поведения описывается как предсказанными, так и случайными, с точки зрения теории вероятностей, величинами. Представления о лучшей жизни, актуализирующие желаемое как мечту, притягивающие силу уверенности в себе и мыслях-событиях, потенциально претворяемых в действительность, психология дифференцирует на конструктивные и деструктивные.

Типология стохастических представлений человека способствует выявлению ряда закономерностей и тенденций переживания реальности, открывающих огромный диапазон личностных состояний. Так, Уильям Джеймс обращал внимание на переживание, которое может быть оценено лишь с точки зрения Библейского переоценивания «Карнавала развлечений», привлекающего сына относительно символического действия в социуме: «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости в дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд» [8, Екк 11:9]. Стохастическим следствием «Карнавала» является у М. М. Бахтина «Хронотоп» как событие, ставшее мерой верификации мужественного становления юноши в плане его личностной полноты поступка [1]. Отсюда просвещение есть воздвигание мужественного характера индивида в его религиозных представлениях и личной гласности Имени Отца.

Процедура эмпирического фиксирования стохастических и атеистических представлений детей и студентов осуществлялась при помощи шкал, используемых для описания того, что является ожидаемым в фрейме как устойчивой когнитивно-личностной структуре субъекта, вооруженного, согласно И. Гофману, М. Минскому, Ч. Филлмору, Вл. Янчуку, технологической схемой репрезентации принципов и ожиданий относительно метакоммуникативного поля вовлечённости в событие [2]. Кроме того, фрейм включает определение по умолчанию, в нашем случае, – презумпцию Имени Отца в Его образовательной «Вненаходимости» [1]. В качестве матрицы фрейма используем знакомую с детства ортогональную систему координат на плоскости, образуемую двумя взаимно перпендикулярными прямыми осями X'X и Y'Y. На каждой оси выбрано положительное направление единицы конкретной личности Автора или значимого Другого. Сло-

жение, или складка, (англ. fold) матриц 1 и (-1) обладает свойством коммутативности в связи с переместительностью функции $Y=1/X$. При помощи методики ФАНТТ [5] были получены результаты, позволившие выяснить, насколько личностные особенности и способы поведения обусловлены религиозными представлениями, различиями индивидуальными и ситуационными или взаимодействием тех и других. Если распределить 10 позиций фрейма – знания, интересы, склонности, задатки, потребности, чувства, поступки, убеждения, имя и «коммуникация как ожидание Другого» (Ю. Хабермас) – в плане предполагаемой дисперсии, то фрейминговая вербальная матрица даёт возможность оптимального подсчета *проприативно* личностного, либо *персервативно* ситуативного, либо смешанного факторов на уровне 100 %. Ситуация может быть определена на разных уровнях, от микро- к макро-группе, по Д.Магнуссону (David Magnusson, 1981).

Продолжение исследования осуществлялось в связи со стимулом матрицы «ФАНТТ», реакция на которую субъекта «Я» предполагает индуцирование вербальных и пиктографических проектов в предполагаемых образовательных, развивающих, воспитательных и просветительных ситуациях окружения. Возможность идентифицировать свой личностный статус в индивидуальной истории и Имени возникла в дискурсе (от лат. *discurgo* – распутье, блуждание) реставратора. Заимствованный у М. Фуко термин «Реставратор» греческого происхождения от $\Sigma\tau\alpha\upsilon\rho\varsigma$ – Крест. Латинская приставка *re* имеет два значения: возобновление, воспрзведение или повтор действия; противоположное действие или противодействие. Отсюда слово «Реставратор» как нельзя лучше отображает «Акт перехода» [3] дискурсанта от восстановления Креста в системе координат к фреймингу властных отношений дискурса, имеющего у Фуко также два разных смысла: «публичный», определяемый общественным, в том числе, религиозным, метанарративом, и «скрытый» (*latent*), воспроизводимый исследователем в качестве истины [11]. Латентный дискурс поставлялся лакановской схемой воображаемого, символического, реального, коммутативного актуальному Я, в котором Автор присутствует признанной, но не познанной единицей Бытия, где Ψ служит коэффициентом загрузки системы Я-квинтэссенция в качестве ее пятого, голосового элемент (от лат. *quinte* и *essentia*), или «Голоса души».

Патерналистский элемент дискурса подвержен идентификации по позициям пола, субъекта, индивидуальности и личности относительно гласности Имени Отца. В результате были выявлены следующие тен-

денции. Идентификация пола в обеих исследуемых группах была адекватной, однако вызвала аксессуарные затруднения у некоторых испытуемых из атеистических семей, что составило соответственно 5 % от общего количества испытуемых: «Юбки носят девочки, а мамы носят брюки». Наибольшее количество ошибок в обеих группах было обнаружено при построении идентификации отцовской позиции, которая ограничивалась сервильной ролью «зарабатывания денег», «вождения машин», «ремонта мебели» и т. п. В группе детей из атеистических семей 70 % испытуемых тенденциозно узнавали феминную позицию доминирования в семье и общественных отношениях, высоко оценивая роль мужчины в политике. Соответственно, 30 % испытуемых из группы религиозных семей отдали предпочтение отцовскому доминированию. Достоверность различий в распределении признака была подтверждена путём статистической обработки χ^2 Пирсона, при уровне значимости $p = 0,05$. Данный факт свидетельствует о больших сложностях в формировании патерналистского аспекта эго-идентичности у детей из атеистических семей по сравнению с их религиозными сверстниками. Это свидетельствует о низкой степени сформированности у детей атеистической номинации способности к патерналистской направленности на других людей и на собственный жизненный путь (χ^2 Пирсона, при уровне значимости $p = 0,05$). Наиболее привлекательным образом для испытуемых из атеистических семей оказался образ мамы (40%) и образ учительницы (35 %), 20 % испытуемых выбрали образ отца, 5 % – образ бабушки. Для группы испытуемых из религиозных семей наиболее привлекательным оказался образ отца, его выбрали 50% испытуемых, далее следует образ Бога – 40 %, 5 % выбрали образ бабушки и 5 % – образ священника. Исходя из этого можно предположить, что дети из полных семей имеют в представлении более развёрнутую картину будущего, что может свидетельствовать о большей уверенности в построении мудрого жизненного пути.

Таким образом, изучение половозрастной идентификации у младших школьников из нерелигиозных семей, воспитывающихся в условиях отцовской депривации, продемонстрировало низкий уровень сформированности ономастологических представлений идентичности и невысокую способность к генерализации предметных знаний относительно собственного жизненного пути, что неминуемо обуславливает формирование личностных особенностей ребёнка. Данные исследования указывают на структуру семьи, обусловленную формированием патерналистских конативов ребёнка в ситуации доминирова-

ния материалистических тенденций. В науке нет места для риторических вопросов, поэтому бессознательный срыв образа Отца подвержен диалогу, который в своём изначальном греческом значении *diá* и *lógos* создает формат постижения человеком логики бытия. Были получены результаты, позволившие выяснить, насколько личностные особенности и способы поведения обусловлены религиозными представлениями и индивидуальными различиями. Распределение позиций фрейма по проектам «Я..., знаю..., интересуюсь..., желаю..., могу..., хочу..., люблю..., иду..., верю..., Другое Имя...» образует фрейм респондента с 9 визуальными и 1 акустическим (Другое Имя...) значениями. Например, разбор представлений младшего школьника Андрея К. включает достаточно оригинальное сочетание стохастических и ситуационно-религиозных факторов. Уже само по себе восприятие и понимание социально-биологической ситуации «Я могу жениться» является результатом специфически маскулинного поведения и индивидуального удовлетворения от состоявшегося рождения в свет. В основе патерналистской репродукции нарратива лежат генетические предпосылки переработки информации, полученной в достаточно благополучной семье: «Я люблю маму, папу, брата, бабушку». При таком ценностном единстве любое действие должно рано или поздно раствориться в непрерывной, двусторонней складке (англ. *fold*) взаимодействия и достижения латентной цели события в анклаве ожидания Другого, пусть пока сказочно безличного, но религиозно волшебного: «Я верю, что Дед Мороз существует». Предсознательное желание «ещё раз родиться» вызвано естественным переосмыслением несправедливости смерти и требования метанойя (гр. *μετάνοια* - перемена ума). Перспектива «перерождения» связана с ситуацией «Рождения свыше» [8, Ин 3:7]. По точному определению Л. Магнуссона, «Ситуация есть функция личности». Согласно стохастическому пониманию, структура ситуации «перерождения» Андрея включает в себя действующих лиц («я и Дед Мороз») креативного присутствия («Он существует»), аспекты метанойя – «ещё раз». В свои 12 лет нарратор не только романтически настроен невидимой уверенностью встречи с Другим, но владеет физической реальностью роста («хочу быть большим») в сочетании с метафизической перспективой «рождения свыше» [9, Ин 3:5]. На данную перспективу указывает генетическая предпосылка любви к ближним в полной семье.

Счастливой семьёй и заканчивается дифференциация «становления» личности и «индивидуального отстаивания» (А. Г. Асмолов), по

мере рождении в ней «человека по сердцу Божьему» [8, 1 Цар 13:14]. При этом, «переживание как особая деятельность по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием» (Ф.Е.Василиук, 1984) сопровождает феноменологию оформления «сердечной» индивидуальности. Личность же есть индивид, осознающий свою индивидуальность в ассертивном выборе Другой личности, снимающей субъектную оппозицию родового и индивидуального в человеке. В результате такого снятия (нем. *Aufhebung*), возникает «сердечная» потребность (нем. *Haubtrieb* у З.Фрейда) в любви к ближнему как психическая детерминация события с Именем Отца. И если «бессознательное, – по Лакану, – выстроено как язык», то субъект расщеплён означаемым эффектом сыновнего желания пятилетнего Никиты Л., подчинившегося требованию языка: «Мама, смотри, вон ничейный папа валяется». Отсюда понятным, по З. Фрейду, становится безотчётная одержимость желанием отца, грёзами которого завладел сын. Динамика подобного переживания всегда сопровождается амбивалентностью (люблю – не люблю) в «Заброшенности», по М. Хайдеггеру, бытия во времени через депривацию Имени. В глобальном смысле, лишение мира Божественного Имени Отца сопряжено с одержимостью индивида, обречённого на эдипальное лишение информации о событиях. Вот образец идеологического языка как эффекта метанарративов в интервью со студентами, членами Республиканского союза молодёжи: «Самое главное – это патриотизм, чувство патриотизма, но это, наверное, прививалось еще с детства, со школы, когда мы были ещё учениками (Артём). Высказывание Егора, «усиленное», кроме дресскода, жестикულიацией и «властным» чувственным тоном, сопровождаемым «Первичной фрустрацией» (З. Фрейд), то есть наложением метанарратива на ситуацию неизысканно повторного высказывания с бессознательной симптоматикой голоса: «В стране не потеряно самое главное: это не потеряно уважение к своему народу, не потеряно чуткое отношение к каждому гражданину, не потеряно то внимание, которое уделяется простым городам, сёлам, дорогам. Поэтому, когда Вы приезжаете в Беларусь, Вы видите чистую страну, которая живет каждодневно, скажем так, образно говоря, заботой о каждом из ее граждан, поэтому в этом плане есть ощущение, что здесь всё стабильно, предельно ясно». Латентное «переживание как ощущение, сопровождаемое эмоциями» (Р. С. Немов, 1994) служит фоном бессознательного для фигуративной антипатриации студента Дениса: «На данный

момент у меня нет проблем с батюшкой: я говорю то, что думаю, но это, наверное, пока меня ещё не услышали».

Желание, действующее там, где возникает бессознательное беспокойство и соблазн сопротивления мира, обнаруживает себя на фаллической стадии психосексуального развития в разговоре «От двух до пяти», записанном Корнеем Чуковским: «Мне сам папа сказал! – А мне сама мама сказала! – Но ведь папа самее мамы... Папа гораздо самее ...». Соответственно, «Бессознательное» тянет пятилетнего ребёнка к желаемому как функции гипотетической исполненности мечты об Отце. Затем, прорывая комплекс «безотцовщины» на генитальной стадии психосексуального развития, юноша устремляется к невидимой личности «младенца мужского пола» [Откр. 12], исполняя энтелехию её Отцовского становления.

Таким образом, голос Отца в личностной системе «подобия» [8, Быт. 1, 26] предполагает сосредоточение исследователя на индексах ситуаций, отображённых в классификации религиозных представлений детей и студентов по стохастическому и культурному признакам шкалы религиозной ориентации. Интерпретация фрейма личностного самоопределения подлежит логической антиципации, обретающей ожидаемый статус события как религиозно-экологической валидности, которую невозможно игнорировать, чтобы не утратить здравый смысл речи и не перестать быть самим собой, в том числе мужчиной или женщиной, отцом или матерью. Патерналистско-смысловая сфера дискурса образования отличается от его материалистско-предметного монолога самодостаточностью диалога в связи с такими показателями, как примат интеллектуального субъекта над конституциональной религиозностью; персонологичность Имени Отца в межличностном диалоге; открытость патерналистского подхода для фальсифицирования как креационной, так и эволюционной гипотезы; ономотологическое присутствие Логоса в виртуальной и физической реальности; момент асимметричной резистентности как уталитарной индукции отрицательного эмпиризма «отсутствия» Бога; наличие голоса как индивидуального тембра и гласности личностного выбора нарратора; произнесение как *начертание* Другого Имени. Исследование показало, что означающее Имя Отца возникает вместе с исчезновением доступа к утрируемой религиозной символической. Только Слово между языком Отца и речью Сына производит в человеке истину, «делающую нас свободными» [8, Ин. 8:32].

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 752 с.
3. Лакан Ж. Имена-Отца / Пер. с фр. А. Черноглазова. – М.: Изд-во «Гнозис», Изд-во «Логос». 2006. – 160 с.
4. Малиновский Е. Л. Теопсихология любви в образовании студента / Психология обучения – № 5, 2016. – с. 14–28.
5. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / Гордон Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
6. Павлов И. В. Взаимосвязь социально-перцептивного образа отца и образа «Я» у юношей и девушек в связи из полных и неполных семей / Дисс. канд. психол. наук. – Минск: ВАК 19.00.05. – Социальная психология, 2018 – 237 с.
7. Священное Писание. Тексты. Библия. – Брюссель Издательство: Жизнь с Богом, 1989. – 2535 с.
8. Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать – М.: Эксмо, 2017. – 368 с.
9. Фрейд З. Психология бессознательного – СПб: Питер, 2017. – 528 с.
10. Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. – СПб.: А-сэд, 1994. – 410 с.
11. Черноглазов А. К. Лакан. Приглашение к Реальному... – М.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. – 376 с.
12. Шукуров Д. Л. Имя Отца в психоаналитическом дискурсе Жака Лакана // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 5. Психология, № 3. – с. 51–59.